

28964

Bay of Fund. Hydrog.

190

Page of. June. 1861
1861-1862

28964

Варшав. Унив. Извѣстїи
1909—VI.

86504

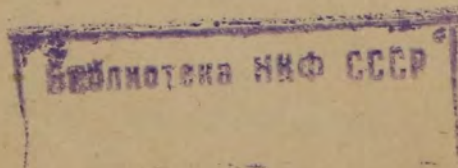
ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ.

*Рѣчь для торжественнаго собранія Императорскаго Варшавскаго
Университета 30 августа 1909 года.*

Проф. В. ЕСИПОВА.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію причинъ преступности, не бесполезно сказать нѣсколько словъ о самой преступности вообще и о преступникахъ, какъ нарушителяхъ права „Право есть минимумъ нравственности“. Уголовное право есть минимумъ нравственности, опредѣляющей границы этически дозволяемаго и безнравственнаго. Наука уголовного права учитъ о преступникахъ, о преступленіяхъ, о томъ, какъ обходиться съ виновными, какія наказанія къ нимъ примѣнять. Но и въ наукѣ и въ дѣйствительной жизни слишкомъ мало вниманія удѣляется вопросу о причинахъ преступности и ея факторахъ среди даннаго общества.

Вотъ на этомъ-то вопросѣ мы и остановимся; но предварительно, для выясненія причинъ преступности въ современномъ обществѣ, сдѣлаемъ краткій очеркъ развитія взглядовъ на самое существо преступности съ древнѣйшихъ временъ.

Начнемъ съ древности. Въ эту первичную эпоху нравосознанія о какой либо гуманитарности или снисходительности къ преступнику не могло быть и рѣчи. Здѣсь было не до альтруизма. Каждый охранялъ только свое, интересовался только своимъ и до другихъ ему не было никакого дѣла. Тѣмъ болѣе мало интересовались тогда судьбою преступника, посягнувшаго на чужія блага и причинившаго такимъ образомъ вредъ отдѣльному частному лицу. Преступленіе разсматривалось тогда исключительно, какъ вредъ частный. Отсюда—кровная месть, какъ первобытная мѣра первобытнаго карательнаго права. Только съ теченіемъ времени эта кровная или, вѣрнѣе, кровавая месть уступаетъ мѣсто такъ называемымъ композиціямъ или денежнымъ выкупамъ.

Но вотъ начала крѣпнуть государственная власть. Князь или иной глава племени видитъ, что подданные его какъ-бы извлекаютъ выгоду изъ такой системы композицій или денежныхъ выкуповъ, а его совершенно даже игнорируютъ. Но вѣдь они пользуются охраной его и его воинской дружины. Пусть-же они удѣляютъ часть получаемыхъ ими такимъ способомъ денегъ и въ княжескую казну. Отсюда—начало виръ, продажъ и штрафовъ въ пользу князя. Окрѣпла еще болѣе власть государственная, разрослись предѣлы государственной территоріи. Нуженъ общественный покой, необходимъ общій миръ. Преступникъ его нарушаетъ. Штрафа для него мало. Съ точки зрѣнія древняго государства часто полезнѣе было-бы вовсе стереть его съ лица земли. И вотъ важнѣйшихъ преступниковъ, нарушителей общаго мира, начинаютъ предавать смертной казни, ссылатъ на окраины или заключать въ тюрьмы.

Въ средніе вѣка,—когда личность была совершенно поглощена государствомъ, когда вся частная жизнь была покрыта сплошь правительственной опекой, когда въ преступникахъ видѣли нарушителей общаго мира,—въ эту эпоху, конечно, несвоевременнымъ казалось тогдашнимъ политикамъ

и законовѣдамъ примѣнять къ преступникамъ какія-либо гуманитарныя мѣры. Но время шло. Философы XVIII-го вѣка заговорили и о гуманности. Нельзя было къ нимъ не прислушаться, нельзя было не сдѣлать какихъ либо уступокъ въ смыслѣ смягченія уголовныхъ наказаній. Но и тутъ политическія осложненія мѣшали иногда полному проведенію въ жизнь гуманныхъ началъ. Пришелъ XIX вѣкъ. Безстрастный раціонализмъ сдѣлался руководящимъ началомъ уголовного законодательства. Юристы заговорили о вредѣ сентиментальности и снисходительности къ преступнику, потребовали усиленія уголовныхъ каръ и забили въ набатъ, призывая въ наши суды неумолимую строгость и ригоризмъ уголовныхъ законовъ.

Но ожиданія этихъ суровыхъ правовѣдовъ, этихъ безстрастныхъ представителей идеи карательнаго возмездія, далеко не оправдались. Цифры уголовной статистики вскорѣ показали повсюду, что одно усиленіе наказаній, безъ другихъ широкихъ культурно-просвѣтительныхъ мѣропріятій, влечетъ за собою только лишь одно увеличеніе оправдательныхъ приговоровъ, такъ какъ никому изъ судей не хочется брать на душу суровыхъ приговоровъ, очень часто къ тому же и не вполнѣ обоснованныхъ, за отсутствіемъ прямыхъ доказательствъ.

Конецъ XIX столѣтія и начало текущаго XX столѣтія особенно интересны съ точки зрѣнія уголовного права. За это время въ общество все болѣе и болѣе проникаетъ мысль, что для такъ называемой „борьбы“ съ преступностью необходимы не однѣ каторжныя тюрьмы, а и рабочіе дома, дома трудолюбія, исправительныя колоніи, пріюты Магдалины и тому подобныя учрежденія. Осажденные со всѣхъ сторонъ новыми идеями и новыми требованіями, послѣдніе вѣрные защитники такъ называемаго классическаго направленія тщетно пытаются теперь охранить уцѣлѣвшіе еще бастіоны (псевдо)—„классицизма“ въ уголовномъ правѣ.

Тѣ вопросы, которые прежде казались безынтересными и бесполезными, теперь выдвигаются на первый планъ. Тѣ точки зрѣнія, которыя прежде казались вреднымъ сентиментализмомъ, теперь становятся наиболѣе крѣпкими оплотами уголовного права. Матеріальныя послѣдствія преступленія, которымъ прежде придавали первенствующее значеніе, нынѣ уступили мѣсто психическимъ элементамъ преступленія. Идея возмездія—этотъ категорическій лозунгъ прежняго времени—замѣнилась идеею исправленія и помощи падшему. Принципъ возмездія (*principe vindicatif*) уступилъ мѣсто началу исправленія (*principe éducatif*), который являетъ собою послѣднее воплощеніе идеи наказанія.

Кромѣ того, за послѣднее время значительно усилилось широкое интернаціональное общеніе криминалистовъ теоретиковъ и практиковъ, выразившееся въ цѣломъ рядѣ междуна-родныхъ конгрессовъ представителей науки уголовного права. На этихъ конгрессахъ обсуждаютъ такіе вопросы, которые ранѣе считались просто праздными, какъ напримѣръ: вопросъ о вліяніи соціологическихъ и антропологическихъ факторовъ на развитіе преступности; вопросъ о значеніи, которое должно быть придано уголовнымъ закономъ психическимъ элементамъ преступленія по сравненію съ его матеріальными послѣдствіями, и такъ далѣе. Увеличился не только объемъ уголовного права, но увеличилось и количество точекъ зрѣнія, съ коихъ оно должно быть разсматриваемо.

Съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ прежнихъ „криминалистовъ классиковъ”, вопросы объ условномъ осужденіи, объ условномъ освобожденіи, о патронатѣ, о покровительствѣ дѣтямъ, о защитѣ женщинъ, о нищенствѣ и бродяжничествѣ, о борьбѣ съ алкоголизмомъ и т. п. считались вопросами не только не серьезными, но и не подлежащими вѣдѣнію ученыхъ правовѣдовъ. Ихъ предоставляли въ удѣлъ „зеленой молодежи”, да газетной публицистикѣ. Многіе выдающіеся криминалисты, какъ напримѣръ, Бернеръ, Коллеръ, Биндингъ, Вахъ и другіе въ свое время категорически высказывались противъ

расширенія рамокъ науки уголовного права и противъ новаго позитивнаго направленія въ наукѣ уголовного права,—направленія, идущаго будто-бы въ разрѣзъ съ прежнимъ классическимъ.

Но за послѣднее время можно замѣтить все больше и больше уступокъ именно въ этомъ отношеніи, то-есть въ смыслѣ расширенія рамокъ науки уголовного права. Укажу для примѣра хотя-бы на авторовъ наиболѣе капитальныхъ трудовъ и монографій, которые появились въ нашей отечественной литературѣ за послѣдніе годы. Сюда прежде всего надо отнести профессора Н. С. Таганцева, этого маститаго представителя классической школы, сдѣлавшаго всетаки нынѣ неизбѣжныя уступки современнымъ требованіямъ индивидуализаціи наказаній и соціологическаго изслѣдованія преступленій. Затѣмъ, не могу не назвать профессора Льва Владимірова, который въ своемъ симпатичномъ трудѣ „Уголовный законодатель, какъ воспитатель народа” рассматриваетъ такіе сложные вопросы, какъ чувство отвѣтственности, чувство жалости, способность почитанія, призваніе уголовного правосудія и человѣчность наказаній. Г. С. Фельдштейнъ въ своемъ обширномъ трудѣ „Ученіе о формахъ виновности” съ особеннымъ вниманіемъ рассматриваетъ вопросъ о психологическихъ основахъ этого ученія, о формахъ виновности. Профессоръ А. Д. Киселевъ посвящаетъ цѣлую монографію вопросу о „психологическомъ основаніи уголовной отвѣтственности”, рассматривая этотъ вопросъ не только по даннымъ положительнаго права, не только по ученію криминалистовъ-классиковъ, но и по ученію антропологокриминалистической школы и по новѣйшимъ теоріямъ личнаго состоянія преступности. Наконецъ, въ самое послѣднее время профессоръ М. П. Чубинскій въ своихъ „очеркахъ уголовной политики” останавливается наиболѣе внимательно на основныхъ проблемахъ уголовной политики, какъ составной части науки уголовного права, и убѣдительно доказываетъ важность и безусловную необходимость правильной постановки уголовно-политическаго элемента.

Отъ этихъ общихъ разсужденій перейдемъ къ вопросу о факторахъ преступности и о задачахъ современнаго правового государства въ отношеніи борьбы съ нею. А истинно— „правовое” государство современности не должно ограничиваться установленіемъ одного только формальнаго соотвѣтствія между проступками и наказаніями. Оно должно внимательно останавливаться и на мотивахъ преступной дѣятельности, и на вопросахъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и т. п.

Остановимся хотя-бы на первомъ вопросѣ, и мы увидимъ слѣдующее. Старая схоластическая юриспруденція мало интересовалась значеніемъ мотивовъ проявившейся во внѣ преступной дѣятельности. Достаточно было внѣшняго факта противозаконности того или другого поступка, чтобы уголовный законъ былъ примѣняемъ—совершенно формально, совершенно безжизненно, а потому нерѣдко и бесполезно. Это было время господства юридической формы, тяжелое время господства буквы закона надъ духомъ его, когда не различали „случайнаго преступника” отъ профессиональнаго вора, а иногда и праваго отъ виноватаго.

Теперь мы уже пережили это время, оно осталось позади насъ; судебныя реформы послѣдняго времени,—и въ Россіи и на Западѣ, одною изъ важнѣйшихъ заслугъ своихъ имѣютъ, именно, признаніе значенія мотивовъ преступной дѣятельности и различныхъ обстоятельствъ, увеличивающихъ, уменьшающихъ и смягчающихъ вину. Всѣми признается въ настоящее время за непреложную истину, что индивидуальность преступника и преступленія требуютъ и индивидуальности наказанія. Не всѣ умыслившіе убить и убившіе—одинаковые убійцы; не всѣ умыслившіе украсть и укравшіе—одинаковые воры. Въ отдѣльныхъ элементахъ и качествахъ умысла кроются различія случайнаго и развращеннаго убійцы, случайнаго и профессиональнаго вора.

Но каковы-же основные причины и факторы преступности? Если мы обратимся за отвѣтомъ на этотъ вопросъ къ наукѣ, то мы встрѣтимъ два совершенно противоположныхъ

рѣшенія его: одно—съ точки зрѣнія уголовной антропологии, другое—съ точки зрѣнія уголовной социологии.

Основателемъ уголовно-антропологическихъ ученій является Ломброзо, наиболѣе-же даровитыми его послѣдователями были Ферри и Гарофало. Ломброзо не только образовалъ школу, но и произвелъ даже полный расколъ въ наукѣ уголовного права. Погоня за новизной, нежеланіе отставать отъ модныхъ теченій увлекли многихъ, даже весьма солидныхъ ученыхъ. Но, не смотря на поддержку цѣлаго ряда талантливыхъ писателей, ученіе Ломброзо, конечно, не могло удовлетворить чувству справедливости современнаго общества. Италія, унаслѣдовавшая начала римскаго права, Италія, среди которой появились Беккарія и Филанжіери, ошиблась, ожидая найти въ Цезарѣ Ломброзо новаго пророка науки. Самоувѣренныя построенія послѣдняго, основанныя на небольшомъ количествѣ наблюденій, торопливость работы и поспѣшность обобщеній—не принесли, однако, Ломброзо желанной славы и желанныхъ лавровъ научнаго реформатора.

Какъ вообще въ наукѣ никогда не бываетъ неправильныхъ скачковъ, а, наоборотъ, всегда отмѣчается нѣкоторая преемственность и послѣдовательность, такъ и въ данномъ случаѣ ученіе Ломброзо является дальнѣйшимъ оформленнымъ развитіемъ взглядовъ его предшественниковъ. Такими предшественниками его были: 1) изслѣдователи френологии, краніоскопіи, кефалометріи (Галль, Спурцгеймъ, Арамберъ); 2) сенсуалисты психіатры, матеріалисты (Кабанисъ, Форстеръ, Томсонъ); 3) фیزیогномики и символики (Лафатеръ, Карусъ). Первые видѣли въ преступникѣ врожденнаго преступника; вторые—нравственно-помѣшаннаго; ученіе Ломброзо принадлежитъ къ послѣдней группы, но видитъ въ преступникѣ не только врожденнаго преступника и нравственно-помѣшаннаго, но и эпилептика. Френологи, краніоскописты и кефалометры изслѣдовали лишь эмбриологию преступниковъ; сенсуалисты, матеріалисты и психіатры (въ особенности Пинель, Эскироль и Платнеръ) обратили главное вниманіе на біологию

и психологию преступников; учение Ломброзо стремится охватить всю антропологию преступников въ самомъ обширномъ смыслѣ. Ломброзо считаетъ преступника человѣкомъ аномальнымъ вслѣдствіе остановки въ развитіи или вслѣдствіе болѣзни различныхъ органовъ, въ особенности нервныхъ центровъ, почему преступникъ является будто-бы настоящимъ хроническимъ больнымъ, доказательствомъ чего служатъ наблюдаемыя у преступниковъ неправильности черепа, аномалии гистологическія, разстройство дѣятельности мозга и сердца и т. п. Съ другой стороны, рѣдкая растительность на подбородкѣ и обильная на головѣ, темная кожа, оксикефалія, косые глаза, малый черепъ, развитыя скулы и челюсти, скошенный лобъ, громадныя уши и т. п. приближаютъ будто-бы преступника къ низшему, австралійскому или монгольскому типу. Такимъ образомъ, преступникъ у Ломброзо является, съ одной стороны, больнымъ, нравственно-помѣшаннымъ, съ другой стороны, человѣкомъ низшей расы, врожденнымъ преступникомъ. Эпилепсія соединяетъ у Ломброзо нравственное помѣшательство и прирожденную преступность, которыя являются лишь эпилептоидными состояніями. Нравственное помѣшательство есть чрезмѣрное увеличеніе врожденной преступности; эпилепсія же въ ея приступахъ есть чрезмѣрное увеличеніе нравственного помѣшательства. При этомъ смѣшеніе нравственного помѣшательства и прирожденной преступности не исключаетъ атавизма, который является, по его мнѣнію, однимъ изъ наиболѣе постоянныхъ признаковъ врожденного преступника. Изъ соединенія всѣхъ этихъ признаковъ и получается особый типъ человѣка-преступника. Въ соотвѣтствіи съ такимъ взглядомъ на преступника развивается и понятіе наказанія. Основаніемъ права наказанія является необходимость общественной защиты отъ посягательствъ такихъ больныхъ или дикарей. Разсматривая преступниковъ съ этой точки зрѣнія, школа Ломброзо предлагаетъ примѣнять къ нимъ заключеніе, изгнаніе или ссылку. Она предлагаетъ создать особыя пріюты для преступниковъ (*manicomî*

criminali, asiles criminels), мѣста заключенія для субъектовъ неисправимыхъ, замѣняя при первомъ приговорѣ заключеніе денежнымъ штрафомъ или тѣлеснымъ наказаніемъ.

Еще дальше идетъ въ этомъ отношеніи проф. баронъ Гарофало, достойный ученикъ Ломброзо; онъ совѣтуетъ возить такъ называемыхъ неисправимыхъ преступниковъ въ дикія страны и бросать ихъ тамъ, дабы дикари обращали ихъ въ рабство, — если не пронзятъ ихъ своими стрѣлами (*il y deviendra l'esclave des indigènes á moins que ceux-ci ne le transpercent de leurs flèches*).

Недостатки этого направленія неоднократно указывались уже въ литературѣ и вытекаютъ, конечно, изъ поразительной односторонности подобныхъ теорій, основанныхъ на небольшой горсти наблюденій. Единственная же заслуга этой школы заключается въ томъ, что она указала если не на всѣ, то на нѣкоторыя изъ причинъ преступности и обратила вниманіе на значеніе личности преступника, личности человѣка при изученіи уголовного права.

Дѣйствительно, уголовно - антропологическія построенія карательнаго права разнятся отъ конструкцій юридической науки уголовного права, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что юридическая наука занимается классификаціей преступленій, а уголовная антропология придаетъ гораздо большее значеніе классификаціи преступниковъ, на томъ основаніи, что въ ихъ болѣе или менѣе противообщественныхъ стремленіяхъ и энергіи лежитъ причина преступности и главный критерій опасности, которую должно устранить. Среди многочисленныхъ уголовно-антропологическихъ классификацій весьма распространено дѣленіе преступниковъ на три типа: преступники прирожденные, преступники помѣшанные и преступники случайные. Геніальное, по справедливому замѣчанію Ферри, воспроизведеніе этихъ трехъ преступныхъ типовъ заключается въ драмахъ Шекспира: въ Макбетѣ преступника прирожденного, въ Гамлетѣ преступника помѣшаннаго и въ Отелло преступника по страсти.

На одномъ изъ международныхъ съѣздовъ по уголовной антропологіи завязался споръ касательно теоріи Ломброзо о причинахъ преступности, и тогда одержало верхъ слѣдующее мнѣніе: „Подъ преступнымъ типомъ слѣдуетъ разумѣть не только анатомическій типъ, а полную личность біологическую, психологическую и соціальную. Преступность есть равнодѣйствующее троякаго рода причинъ или троякаго порядка факторовъ: антропологическаго, физической среды и среды соціальной. Человѣкъ можетъ родиться съ клеймомъ преступности и однако-же умереть, не совершивши преступленія, если онъ нашелъ въ своей средѣ силу достаточнаго противодѣйствія. И, наоборотъ, человѣкъ можетъ найти въ своихъ наслѣдственныхъ antecedентахъ силу противодѣйствовать вліянію среды”.

Въ преступникахъ, замѣчаетъ и Д. А. Дриль, слѣдуетъ видѣть не душевно-больныхъ,—хотя бываютъ между ними и такіе,—и не представителей особаго преступнаго типа, а постепенно сложившіяся, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, болѣе или менѣе недостаточныя, дурно уравновѣшенныя, вырождающіяся психофизическія натуры, которыя, смотря по различіямъ во внѣшнихъ условіяхъ окружающей среды, могутъ дать или только дурныхъ, вредныхъ и порочныхъ людей, или же и преступниковъ. Понятіе вырожденія есть не только понятіе біологическое, но и понятіе соціальное. Въ послѣднемъ смыслѣ вырожденіе представляетъ собою уклоненіе отъ типа нормальнаго общественнаго человѣка, которое совпадаетъ съ минимальною степенью приспособленности къ самостоятельной жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ, безъ которой эта послѣдняя становится невозможна. Уголовное право, по самому существу преступныхъ дѣйствій, имѣетъ дѣло преимущественно съ самыми худшими разновидностями вырожденія. Всѣ особенности предрасположенныхъ натуръ, какъ и особенности человѣка вообще, развиваются мало-по-малу, подъ вліяніемъ многообразныхъ неблагопріятныхъ условій окружающей среды. Поэтому для

успѣшности борьбы съ преступленіемъ нужно, прежде всего, дѣйствовать противъ причинъ, порождающихъ предрасположенныя натуры. Одно наказаніе недостаточно, необходимы и широкія мѣры предупрежденія.

Здѣсь, въ ученіи о причинахъ преступности, мы уже видимъ какъ-бы переходъ отъ уголовно-антропологической точки зрѣнія къ точкѣ зрѣнія уголовно—соціологической.

Что касается этихъ уголовно-соціологическихъ ученій, то главными ихъ представителями являются Тардъ, Принсъ, Ванъ-Гаммель, Э. Лоранъ и Листъ. И эта школа не есть явленіе безусловно новое въ наукѣ. Она является лишь заключительнымъ звеномъ тѣхъ ученій, которыя завѣщаны были пенитенціаристами, нравственной статистикой и соціологіей. Еще Кетле указывалъ на то, что число преступленій зависитъ не только отъ нравственности личностей, но и отъ соціальныхъ условій, при которыхъ онѣ находятся, а также и отъ законовъ, которые должны совершенно гармонизировать съ правами и потребностями народовъ; иногда-же источникъ преступленія лежитъ въ духѣ подражательности, въ высшей степени присущей человѣку и обнаруживающейся во всемъ. (Кетле „Соціальная система и законы, ею управляющіе”). Тѣ же начала развивали Герри и Вагнеръ. Подобныя же начала встрѣчаемъ у Овена, Спенсера и другихъ. Построенія уголовной соціологіи наиболѣе ясно выражены у Тарда, почему мы и остановимся на его ученіи. Установивъ, что преступникъ не есть ни помѣшанный, ни дикарь, появившійся среди насъ, ни эпилептикъ,—онъ приходитъ къ тому заключенію, что типъ преступника есть типъ профессиональнаго преступника. Сообразно съ этимъ онъ принимаетъ и соціологическую классификацію преступниковъ, подраздѣляя ихъ на преступниковъ сельскихъ (*criminels rurals*) и городскихъ (*criminels urbains*). Повтореніе и даже правильное измѣненіе статистическихъ цифръ доказываетъ, по его мнѣнію, не существованіе свободной воли въ человѣкѣ. Съ точки зрѣнія соціальной цифры эти показываютъ, что человѣкъ въ

обществѣ болѣе подражаетъ, чѣмъ дѣлаетъ вновь. Въ виду этого основнымъ закономъ преступленія является законъ подражанія; подражаніе это тѣмъ больше, чѣмъ ближе соединены между собою люди; при чемъ низшіе всегда подражаютъ высшимъ: простой народъ интеллигенціи, села городамъ. Нравственная отвѣтственность за преступленіе строится у Тарда на двухъ основахъ: на сходствѣ со средою и тождествѣ личномъ. Сходство со средою (*similitude sociale*), или какъ бы общественное сродство (*consanguinité sociale*), приводится имъ въ слѣдующемъ смыслѣ. Для наличности преступленія, виновности, зла, нарушенія права, неисполненія обязанности необходимо, чтобы виновникъ дѣянія принадлежалъ къ тому же обществу, какъ и его судьи, и чтобы онъ сознавалъ эту общность свою съ ними. Личное же тождество (*identité personnelle*) есть постоянство лица (*permanence de la personne*), личность, рассматриваемая въ отношеніи ея продолжаемости, неизмѣнность ея при совершеніи преступленія. Если преступленіе совершено по привычкѣ, съ легкостью простого рефлекса, почти безсознательно, — отвѣтственность виновнаго должна быть сильнѣе, чѣмъ если-бы онъ совершилъ преступленіе послѣ нѣкотораго размышленія. Основаніемъ наказуемости Тардъ выставляетъ общественное мнѣніе; мнѣніе честнаго большинства, порицающаго поведеніе нечестнаго меньшинства, мало-по-малу принуждаетъ и послѣднее къ признанію себя виновными. При всемъ этомъ наказаніе и общественная помощь (*assistance publique*) должны вытекать изъ принциповъ, не противорѣчащихъ между собою. Между домомъ для умалишенныхъ и тюрьмою онъ ставитъ заведенія для душевнобольныхъ преступниковъ (*maison de santé criminelle*). Въ мѣстахъ заключенія онъ требуетъ отдѣленія профессиональных преступниковъ отъ тѣхъ, которые совершили преступленіе случайно. Равнымъ образомъ онъ указываетъ на необходимость обращать вниманіе на социальное происхожденіе преступниковъ, отдѣляя горожанъ отъ сельчанъ, чтобы предотвратить возможность порчи послѣднихъ первыми.

Что касается выставленнаго уголовной соціологіей закона подражанія, какъ одной изъ основныхъ причинъ преступности, то во имя этого основанія (то есть дурного примѣра или подражанія) нѣкоторые требуютъ даже закрытія дверей уголовного суда для посторонней публики, которая, не имѣя достаточнаго запаса нравственныхъ началъ, склонна покрывать ореоломъ ложной славы, крайне для нея заманчивой, героевъ порока и преступленій. Если такой выводъ представляется поспѣшнымъ въ качествѣ возраженія противъ гласности уголовного суда, какъ справедливо отмѣтилъ это профессоръ И. Я. Фойницкій, то, съ другой стороны, намъ кажется, что въ этомъ взглядѣ есть и нѣкоторая доля истины вообще, въ томъ смыслѣ, что онъ указываетъ на проявленіе общаго закона подражанія. Нельзя не сказать при этомъ, что такой путь къ „преступному подражанію“ до нѣкоторой степени бываетъ созданъ самимъ обществомъ, которое съ особенною поспѣшностью откликается на все новое и съ особенною жадностью носится со всякою новизною, какова-бы она ни была. Совершенно, напримѣръ, убійство; газеты стремятся описать его со всевозможными прикрасами, литераторы пишутъ романы, гдѣ въ качествѣ героевъ фигурируютъ убійцы; мало того, въ витринахъ выставляются иногда карточки крупныхъ преступниковъ наряду съ портретами знаменитостей. И вотъ, дѣйствительно, въ глазахъ низшаго слоя общества, въ глазахъ толпы, преступникъ становится какимъ-то героемъ, которому готовы завидовать и подражать.

Такимъ образомъ причины преступности можно искать или въ самомъ человѣкѣ—въ его физической и психической организаціи, или же въ окружающей человѣка средѣ—въ тѣхъ или иныхъ условіяхъ общественной жизни и социальнаго строя. Каждое преступленіе является результатомъ извѣстныхъ причинъ и факторовъ—индивидуальныхъ и общественныхъ,—но различные ученые, какъ мы видѣли, придаютъ различное значеніе каждому изъ названныхъ факторовъ. Оставляя вопросъ объ индивидуальныхъ факторахъ престу-

плений представителямъ уголовной антропологии, мы остановимся главнымъ образомъ на причинахъ соціальныхъ. Прекрасную оцѣнку ихъ дѣлаетъ, между прочимъ, Э. Лоранъ, разбирая теоріи Тарда, Гарофало и др.

Тардъ, какъ мы замѣтили, объясняетъ, напримѣръ, всѣ общественныя явленія сильнымъ, часто не сознаваемымъ и всегда отчасти скрытымъ вліяніемъ подражанія. Преступленіе, говоритъ онъ, есть дѣяніе, исходящее не только отъ индивида живого; но и отъ индивида личнаго, такого, какимъ можетъ сдѣлать и возрастить его по своему подобію лишь одно общество; дѣяніе лица тѣмъ болѣе тождественно съ самимъ собою, чѣмъ болѣе ассимилировалось оно съ другими; дѣяніе тѣмъ болѣе свободно и сознательно, чѣмъ болѣе воспріимчиво лицо къ примѣрамъ, подобно тому, какъ легкія тѣмъ болѣе сильны, чѣмъ лучше они дышатъ. Говорили, что тѣло наше есть лишь частица сгущеннаго воздуха, живущая въ воздухѣ; нельзя ли также сказать, что нашъ характеръ есть лишь частица воплотившагося общества, живущая въ обществѣ? Рожденная имъ, она живетъ для него. Тардъ безъ труда находитъ этотъ законъ подражанія и въ развитіи преступности. Какъ мы уже видѣли, онъ указываетъ намъ, что пороки и преступленія исходятъ отъ интеллигентныхъ классовъ, чтобы затѣмъ найти мѣсто въ рядахъ народа. Такимъ образомъ преступленія распространяются изъ большихъ городовъ въ деревни. „Столицы посылаютъ въ провинціи не только свои литературные вкусы и безвкусіе, свой характеръ ума и легкомыслія, свой покрой платья, форму шляпъ, выговоръ, но онѣ отправляютъ ей и свои преступленія и проступки”.

Гарофало допускаетъ извѣстное преобладаніе кражъ на сѣверѣ и убійствъ на югѣ. Эта причина преступности, этотъ климатическій законъ преступленія, однако, далеко не безъ исключенія, такъ, наприм., на картѣ преступленій противъ личности во Франціи не замѣчается желательнаго сгущенія красокъ отъ сѣвера къ югу; то же можно сказать и о картѣ

преступленій противъ имущества. Тѣмъ не менѣе такое колебаніе преступности между сѣверомъ и югомъ, за нѣкоторыми исключеніями, представляется правильнымъ, если судить объ этомъ по статистикѣ. Такъ, на примѣръ преступленія противъ жизни вообще, слѣдуя закону жара, дѣйствительно, особенно распространены въ странахъ южныхъ. Въ Италіи кровавыя преступленія, по крайней мѣрѣ, въ три раза многочисленнѣе, чѣмъ во Франціи. Убіиство простое здѣсь въ шесть разъ чаще. Убіиство предумышленное въ Италіи значительно уменьшается, но остается еще въ два раза чаще, чѣмъ во Франціи, гдѣ оно клонится къ увеличенію. По мнѣнію Тарда, все это объясняется не причинами физическими, а причинами соціальными, въ силу которыхъ цивилизація (въ новѣйшее время) движется съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ,—численное превосходство кражъ на сѣверѣ и убійствъ на югѣ зависитъ, по его словамъ, отъ историческаго закона, не отъ того, что сѣверъ болѣе холоденъ, а отъ того, что сѣверъ будто бы менѣе цивилизованъ, чѣмъ югъ.

Наконецъ, измѣненія общественной среды и зависяція отъ этого экономическія колебанія представляютъ въ отношеніи преступности явленіе сходное съ приливомъ въ океанѣ: приливъ не увеличиваетъ и не уменьшаетъ количества водъ; эти послѣднія лишь попеременно приближаются и удаляются. Вслѣдствіе извѣстныхъ колебаній, особенно тѣхъ, кои проявляются въ опредѣленныя эпохи, преступная дѣятельность возрастаетъ и уменьшается. Точно также и колебанія экономического порядка могутъ вести къ увеличенію извѣстнаго вида преступности, что вознаграждается уменьшеніемъ другой формы (Э. Лоранъ).

Говоря болѣе общимъ образомъ, можно безъ преувеличенія сказать, что соціальныя причины преступности столь же разнообразны, какъ сама жизнь, въ ея личныхъ и общественныхъ проявленіяхъ, особенно въ проявленіяхъ отрицательныхъ—разнаго рода порокахъ и бѣдствіяхъ, единичныхъ и общихъ.

Припомнимъ, на примѣръ, наши обычныя бѣдствія — неурожаи и голодовки, которые являются часто весьма серьезнымъ факторомъ преступленій, направленныхъ противъ собственности. Неурожай и голодъ для бѣднаго населенія представляется бѣдствіемъ страшнымъ, ни съ чѣмъ не сравнимымъ: голодовки не только разоряютъ отдѣльныя селенія, но поражаютъ цѣлыя деревни, уѣзды и губерніи, способствуя такимъ образомъ развитію пауперизма и пролетаріата со всѣми грустными послѣдствіями нищеты. Разоренные, обездоленные неурожаемъ крестьяне, не имѣя силъ вынести всю тягость бѣдствій голоднаго года, иногда переходятъ даже на путь неправды, доставляя новый контингентъ въ ряды случайныхъ преступниковъ, принужденныхъ совершать кражи, въ силу самой ужасной нужды, нужды голодной. Эти кражи изъ крайности составляютъ самое обычное и распространенное явленіе въ годы неурожая и голодовокъ. Цифры уголовной статистики и въ Россіи, и на Западѣ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что количество кражъ и вообще преступленій противъ собственности весьма замѣтно возрастаетъ въ неурожайные, а тѣмъ болѣе въ голодные годы. Такъ, на примѣръ, памятный 1891 годъ быстро повисилъ у насъ число нападеній на чужую собственность, но послѣ того число преступленій этого рода, подъ вліяніемъ благопріятныхъ урожаевъ 1893 и 1894 г.г., не замедлило уменьшиться. Наоборотъ, недородъ 1898 года опять повлекъ за собою усиленіе преступности въ смыслѣ увеличенія числа имущественныхъ посягательствъ. Такія-же колебанія цифръ преступности, въ зависимости отъ урожая, видимъ мы въ Россіи и въ послѣднее десятилѣтіе 1890—1900 г.г. Противъ причинъ такого рода „голодной” преступности безсильны наказанія, противъ нея безсильна какая либо „борьба или война” со стороны уголовного правосудія. Наоборотъ, здѣсь возможна только, такъ называемая, христіанская „война любви и милосердія”. Эта война закаляетъ лучшія чувства, она не требуетъ ни крови, ни жертвъ, а требуетъ лишь любви, состраданія и великодушія.

Возьмемъ другое бѣдствіе—нищету. Нищета, безработица, дурныя условія жизни также производятъ цѣлый классъ пролетаріевъ, изъ которыхъ вербуются сперва бродяги, а затѣмъ и профессиональные преступники. Но что-же дѣлать съ этими нищими, пролетаріями и бродягами? Исторія отвѣчала на этотъ вопросъ различно. Римская Имперія говорила человѣку: „не заботься ни о чемъ и ѣшь, вотъ тебѣ пища”. Церковь ему говорила: „смирись и молись, вотъ тебѣ молитва”. Мы же ему говоримъ: „встань и трудись, вотъ тебѣ работа” (А. Принсъ). Развитие трудовой помощи, организація работныхъ домовъ, устройство обществъ покровительства освобождаемымъ—они одни могутъ только замѣтнымъ образомъ повліять на уменьшеніе цифры рецидивистовъ, они одни могутъ возродить человѣка. Наказаніе-же, будучи поставлено изолированно отъ этихъ мѣръ помощи, —бесильно, а, можетъ быть, и бесполезно. Государство не въ силахъ бороться съ нищенствомъ и бродяжничествомъ, какъ причинами преступности, одиноко, безъ поддержки общества; въ противномъ случаѣ всѣ его мѣропріятія пропадутъ безслѣдно. Наоборотъ, если государство вручить попеченіе и заботу о бѣдныхъ самому обществу, то можно съ увѣренностью сказать, что всякое нищенство, какъ одна изъ причинъ преступности, можетъ быть совершенно искоренено. Вотъ почему нѣтъ нищихъ въ Англіи и Германіи, гдѣ забота призрѣнія бѣдныхъ лежитъ на общинахъ. Вотъ почему, наоборотъ, нищенство страшно развито во Франціи и у насъ, гдѣ общество держится въ отношеніи бѣднѣйшихъ классовъ почти въ пассивномъ, инертномъ положеніи, ограничиваясь лишь милостыней и единовременными подачками. Милостыня же и подаеніе въ такой формѣ сами оказываются могучими факторами дальнѣйшаго развитія и искусственнаго созданія такъ называемыхъ профессиональных нищихъ, которые предпочитаютъ испрашиваніе подаенія всякому иному труду.

Возьмемъ, далѣе, новое бѣдствіе—безработицу, которая также является нерѣдко одною изъ причинъ случайной пре-

ступности. Въ этомъ отношеніи основною мѣрою, предупреждающею преступность, является доставленіе бѣднякамъ подходящей работы и честнаго заработка на сторонѣ или въ спеціальныхъ домахъ трудолюбія. Были у насъ и въ старину рабочіе и работные дома. Но всѣ эти учрежденія имѣли въ виду исключительно профессиональных нищихъ. Чувствовалась необходимость въ другой организаціи, куда могли бы добровольно обращаться лица, очутившіяся почему-либо безъ заработка. Эту цѣль преслѣдуютъ „дома трудолюбія“, каковы, на примѣръ, Демидовскій, Кронштадскій, Петербургскій и другіе. Въ 1895 году утверждено было общее положеніе о домахъ трудолюбія и рабочихъ домахъ въ Имперіи, согласно которому, назначеніе ихъ—приходить на помощь бездомнымъ, выпущеннымъ изъ больницъ и неимѣющимъ еще заработка, а также освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія и всѣмъ вообще впадшимъ въ крайнюю бѣдность предоставленіемъ имъ честнаго труда. Но въ томъ же направленіи можетъ многое сдѣлать, устраняя эти причины случайной преступности, и частная благотворительность—въ формѣ учрежденія домовъ призрѣнія бѣдныхъ, устройства биржъ труда, организаціи патроната въ отношеніи лицъ, освобожденныхъ изъ тюремъ и т. д.

А сколько еще иныхъ причинъ преступности: алькоголизмъ мужчинъ, порочность женщинъ и т. д. Въ первомъ отношеніи, на примѣръ, у насъ примѣненіе питейной реформы во всей Имперіи оказало въ высшей степени благотворное вліяніе на нравственность населенія: даже въ городахъ и уѣздахъ, наиболѣе заселенныхъ рабочимъ классомъ, всегда болѣе склоннымъ къ злоупотребленію спиртными напитками, со введеніемъ попечительства о народной трезвости, замѣчается не только небывалое уменьшеніе пьянства, но и весьма замѣтное повышеніе нравственности и пониженіе цифръ преступности. Во второмъ отношеніи, въ высшей степени отрадно отмѣтитъ открытіе и на Западѣ, и у насъ различныхъ домовъ милосердія, пріютовъ Маріи Магдалины, организа-

цію помощи женщинамъ и т. п. Правда, общественное движеніе въ этомъ направленіи находится еще въ зачаточномъ состояніи, но тѣмъ не менѣе кое-что уже сдѣлано на почвѣ христіанскаго милосердія для облегченія женщинамъ перехода къ честной трудовой жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для отвлеченія ихъ отъ близкаго для нихъ пути преступленія. У насъ, напримѣръ, это выразилось въ особенности въ учрежденіи въ 1900 году „Россійскаго общества защиты женщинъ”.

Но вѣдь не родились же всѣ эти алкоголики, порочныя женщины, бродяги, рецидивисты сразу съ какимъ-то пятномъ преступности на челѣ. Почему же они превратились въ какихъ-то злодѣевъ? А потому, что въ самомъ нѣжномъ возрастѣ своей жизни, въ дѣтствѣ они были заброшены slučajемъ на произволъ судьбы и оставались безъ всякой нравственной поддержки. Несомнѣнно, что даже самыя дурныя привычки и впечатлѣнія дѣтства могутъ быть устранены, если объ этомъ позаботиться своевременно. Благосостояніе, совѣты и заботы удаляютъ всегда ребенка отъ преступленій. Вотъ почему малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ надо не наказывать только, но главнымъ образомъ воспитывать и исправлять. Не надо забывать, что причинами ихъ преступленій являются, если не неразвитость психическая и физическая, то недостатокъ этического и интеллектуальнаго воспитанія. Забытыя и брошенныя дѣти—это будущіе профессиональные преступники.

Все болѣе и болѣе усиливающаяся склонность молодежи къ пороку, проступкамъ и преступленіямъ, говоритъ Тардъ, является зломъ, распространившимся во всей Европѣ. Объясненія этого надо искать въ соціальныхъ измѣненіяхъ нашего вѣка. Необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что прогрессивное увеличеніе чиселъ преступности шло сначала среди взрослыхъ быстрѣе, чѣмъ среди несовершеннолѣтнихъ, или, вѣрнѣе, обнаружилось среди взрослыхъ быстрѣе, чѣмъ среди несовершеннолѣтнихъ; но, какъ только эта зараза коснулась

последнихъ, возрастаніе преступности пошло быстрыми шагами впередъ и скоро заняло первое мѣсто. Значить, какъ бы ни были причины помянутыхъ измѣненій, онѣ отразились на родителяхъ раньше, чѣмъ на ихъ дѣтяхъ; коснувшись же этихъ последнихъ, онѣ проявились уже гораздо сильнѣе, что вполне понятно: внезапно поднявшійся вѣтеръ раскачиваетъ молодая вѣтви сильнѣе, чѣмъ старыя. Эти причины, вліянію которыхъ можно приписать прогрессивное увеличеніе порочности и преступности, отчасти тѣ же самыя, которыя позволяютъ объяснять уменьшеніе рождаемости и убыль народонаселенія. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь общій упадокъ религіозности, благодаря распространенію учений, которыя, разрушивъ традиціонныя принципы нравственности и семьи, не дали ничего, что могло бы ихъ замѣнить; эти антихристіанскія ученія, чисто отрицательныя и критическія, служатъ причиной какъ деморализаціи, такъ и убыли населенія. На второмъ планѣ стоитъ все увеличивающееся стремленіе къ высшему соціальному положенію, вслѣдствіе распространенія новыхъ потребностей, и недостаточный ростъ богатства для удовлетворенія еще быстрѣе растущихъ желаній, а наконецъ, и алкоголизмъ — этотъ источникъ вырожденія, помѣшательства, физическаго безсилія и общественнаго упадка. Эти-то причины, вліяя на уменьшеніе количества дѣтей, вліяютъ и на ухудшеніе ихъ воспитанія. Какія же дѣти попадаютъ въ исправительныя заведенія? Намъ показываютъ это отчеты названныхъ заведеній. Мы убѣждаемся тогда, что при поступленіи въ нихъ самыми преступными оказываются дѣти наиболѣе невѣжественныя сравнительно со своими неиспорченными ровесниками.

Въ ряду всѣхъ этихъ факторовъ заброшенность и покинутость дѣтей — „наиболѣе обычныхъ, общія производящія причины, безжалостно выбрасывающія еще совсѣмъ неразвитыхъ, часто наслѣдственно оскудѣлыхъ, болѣзненныхъ, дурно-уравновѣшенныхъ и вполне неразумныхъ малышей на просторъ широкой улицы и большой дороги. Здѣсь, гово-

рить Д. А. Дриль, вышедшаго на вольную волюшку ребенка и подростка встрѣчаютъ, какъ показываютъ отчеты исправительныхъ заведеній, различные невзгоды, подтачивающія въ зародышѣ его еще только развивающіяся физическія силы; здѣсь его встрѣчаютъ компаніи такихъ же заброшенныхъ безпризорныхъ товарищей, изъ которыхъ многіе уже успѣли стать достаточно взрослыми, профессиональными хулиганами, живущими за счетъ общества и во вредъ ему, и компаніи уже вполне готовыхъ бродягъ, нищихъ, босяковъ, конокрадовъ и воровъ; здѣсь его встрѣчаютъ на каждомъ шагу разбросанные и неотразимо для него притягательные соблазны и грубыя, грязныя удовольствія, постепенно изсушающія всѣ лучшія человѣческія чувства, эту необходимую основу хорошихъ поступковъ и дѣйствій; здѣсь его встрѣчаетъ жизнь въ трущобахъ, притонахъ и ночлежныхъ домахъ, игры въ орлянку, карты и на билліардахъ, питье водки, пьянство, праздность и ложь, обманъ, преступность и прочія воспитательныя средства „широкой улицы“, средства, которыя закрѣпляютъ и дальнѣйше развиваютъ успѣхъ первоначальнаго воспитанія въ условіяхъ жизни расшатанной семьи. И вотъ день за днемъ, въ этой благопріятной атмосферѣ вышедшій на вольную волюшку ребенокъ скоро становится человѣкомъ, вполне опытнымъ, бывалымъ, все испытавшимъ, все видѣвшимъ и всесторонне знающимъ жизнь широкой улицы во всѣхъ ея подробностяхъ и со всѣми ея соблазнами. Вліяніе этихъ условій окружающей обстановки постепенно въѣдается въ самое существо подростка, мало-по-малу срастается съ нимъ и становится стойкою привычкою этою, какъ основательно говорятъ, второю натурой, предназначенною, по законамъ природы, передаваться и наслѣдственно. Итакъ, одною изъ главнѣйшихъ, если не самую главною причиною, причиною основною, ужасающаго развитія дѣтской преступности и порочности въ наше время является заброшенность, въ свою очередь, являющаяся преимущественно слѣдствіемъ расшатанности и бѣдности громаднаго числа рабочихъ семей,

съ проистекающимъ отсюда внутреннимъ нравственнымъ нестроениемъ жизни въ этихъ семьяхъ. Ихъ старшимъ членамъ въ пору заботиться о добываніи на сторонѣ скудныхъ средствъ пропитанія, а не о воспитаніи дѣтей. У такихъ семей обыкновенно нѣтъ ни времени, ни средствъ, а большею частью нѣтъ и нужныхъ способностей для воспитанія дѣтей въ сколько-нибудь достаточномъ соотвѣтствіи съ сложными условіями нашего времени. Онѣ сами обыкновенно темны, некультурны и грубы. Дѣти для нихъ по большей части—тяжелая обуза и лишніе раздражающіе рты, отъ которыхъ довольно трудно отдѣлаться, а прокормить и вырастить которые еще труднѣе. Что же удивляться и осуждать послѣ этого, если эти лишніе рты рано выбрасываются на просторъ улицы, гостепріимно принимающей этихъ юныхъ питомцевъ". (Д. А. Дриль, о мѣрахъ борьбы съ преступностью несовершеннолѣтнихъ, *Ж. М. Ю.* 1908. № 10).

„Кто знаетъ, говоритъ Болеславъ Прусъ, не напоминаетъ ли преступность въ обществѣ какой-то болѣзни, которая снаружи проявляется сыпью, а внутри состоитъ изъ постепеннаго, медленнаго разложенія—разложенія тканей. Въ такомъ случаѣ выходитъ, что когда уголовный кодексъ отправляетъ преступника въ тюрьму или на эшафотъ, онъ ни чуть не удерживаетъ этимъ разложенія тканей; иначе говоря, одни наказанія не уменьшаютъ, не смягчаютъ, не устраняютъ злыхъ чувствъ и злыхъ инстинктовъ въ обществѣ. Нужно поэтому что-то иное, а прежде всего нужна какая-то новая наука, какая-то „общественная медицина" или общественная психофизика, которая прежде всего выяснила бы причины нынѣшней преступности, а затѣмъ указала бы дѣйствительныя, а не мнимыя средства. Кто знаетъ, быть можетъ, эта „общественная медицина" скажетъ намъ, что одной изъ самыхъ важныхъ причинъ преступности является современный вооруженный миръ въ Европѣ, на который каждое государство расходуетъ ежегодно сотни милліоновъ рублей, столь необходимыхъ для подъема труда, просвѣщенія и обще-

ственного благосостоянія? И кто знаетъ, не выставила ли бы также эта „общественная медицина“ обязанности состоятельныхъ, просвѣщенныхъ и нравственныхъ классовъ заняться болѣе горячо судьбой отдѣльныхъ лицъ и семействъ не-образованныхъ, невоспитанныхъ, не знающихъ даже о томъ, что существуетъ какая-то разница между добрыми и злыми дѣянiями? Дневные пріюты и залы для занятія дѣтей, пенсіонныя кассы для трудящихся, пріюты для старцевъ, домики и садики для рабочихъ, кооперативы всякаго рода, общества, пропагандирующія разумную діету, трезвость и опрятность, наконецъ, общества покровительства заключеннымъ и освобождаемымъ изъ тюремъ,—вотъ орудія новаго времени для борьбы съ преступленіемъ. Въ вопросѣ оздоровленія общества они оказали бы во сто кратъ большія услуги, чѣмъ самый строгій уголовный кодексъ”.

Если, говоритъ упомянутый уже нами криминалистъ Д. А. Дриль, нѣтъ семьи, способной дать своимъ дѣтямъ хотя сколько-нибудь достаточное воспитаніе, и если, какъ слѣдствіе этого факта, существуютъ въ качествѣ серьезной угрозы заброшенныя безпризорныя дѣти, или по истинѣ „ничьи дѣти“, то пустующее мѣсто семьи воспитательницы, во имя собственнаго жизненнаго эгоистическаго интереса, должны занять государство и общество. Они должны заполнить пробѣлъ своими средствами, иначе говоря, они всецѣло должны взять на себя воспитаніе и обученіе заброшенныхъ безпризорныхъ дѣтей, должны вооружить ихъ достаточнымъ умственно-нравственнымъ развитіемъ, знаніями, трудовыми навыками, чтобы въ подлежащей мѣрѣ подготовить ихъ къ правомѣрной и полезной жизни въ обществѣ, которое, по самой природѣ своей, представляетъ собою хотя сложное, но въ то же время настолько тѣсно органически связанное въ своихъ частяхъ цѣлое, что всѣ разстройства отдѣльныхъ частей неминуемо болѣе или менѣе вредно и даже пагубно отражаются на всемъ цѣломъ. Усиленное развитіе различныхъ видовъ хулиганства и апашества (т. н. апаша) — одно изъ

многихъ и яркихъ тому доказательствъ. Такъ поставленный вопросъ о причинахъ преступности и борьбѣ съ нею прежде всего выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о денежныхъ средствахъ, которыхъ, конечно, потребуется не мало. Но что же дѣлать? Чахотку мало стоящими горчичниками лѣчить нельзя. Охрана важнѣйшаго интереса общества—его внутренняго здоровья и крѣпости, его организаціи, на которыхъ покоятся благосостояніе и дальнѣйшія судьбы его, требуетъ и соотвѣтствующаго размѣра средствъ. Нельзя не припомнить глубоко вѣрнаго замѣчанія знаменитаго врача-философа Кабаниса, что человѣкъ, столь много сдѣлавшій для культуры животныхъ и растений, почти пренебрегаетъ воспитаніемъ самого себя, „какъ будто болѣе существенно имѣть большихъ и сильныхъ быковъ, а не сильныхъ и здоровыхъ людей, пахучіе персики и прекрасно разрисованные тюльпаны, а не умныхъ и хорошихъ гражданъ”.

А развѣ теперь платятся малыя суммы за охрану отъ преступленій, за сыскъ, за судъ, за увеличеніе числа постоянныхъ обитателей тюремъ, работныхъ и арестныхъ домовъ, за вредъ, причиняемый развращеніемъ, тунеядствомъ, и проч. и проч. Пусть хоть сколько-нибудь точно подсчитаютъ эти суммы, и тогда будутъ поражены ихъ крупнѣйшими размѣрами. Въ виду этого приходится повторить глубоко вѣрное замѣчаніе, что „мы не настолько богаты, чтобы оставлять множество дѣтей развиваться въ невѣжествѣ и развращеніи”.

Преступленіе есть порожденіе невѣжества и тьмы; чтобы было меньше преступленій, меньше тьмы,—нужно больше просвѣщенія, больше свѣта.

